

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ

Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
ОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

ОМСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

МИР ИСТОРИКА

Историографический сборник

Выпуск 4

2008

УДК 930.1
ББК Т1(2)6
М 630

Рекомендовано к изданию редакционно-издательским советом ОмГУ

Рецензент –

д-р ист. наук, проф., заслуж. деятель науки РФ *Б.Г. Могильницкий* (ТомГУ)

Редакционная коллегия:

канд. ист. наук, доц. *С.П. Бычков* (отв. ред.), канд. ист. наук, доц. *А.В. Свешников* (отв. ред.), канд. ист. наук *А.В. Якуб* (отв. ред.), д-р ист. наук *А.В. Антощенко*, канд. ист. наук *М.А. Мамонтова*, д-р ист. наук *В.П. Корзун*, д-р ист. наук *В.Г. Рыженко*, канд. ист. наук *О.С. Свешникова*

М 630 **Мир историка:** историографический сборник / под ред. С.П. Бычкова, А.В. Свешникова, А.В. Якуба. – Вып. 4. – Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2008. – 560 с.

ISBN 978-5-7779-0955-8

Выпуск посвящен юбилеям двух отечественных историографов – доктора исторических наук, профессора, заведующей кафедрой современной отечественной истории и историографии ОмГУ Валентины Павловны Корзун и доктора исторических наук, профессора кафедры современной отечественной истории и историографии ОмГУ, председателя Омского отделения Российского общества интеллектуальной истории, заведующей сектора социокультурных процессов Сибирского филиала Российского института культурологии Валентины Георгиевны Рыженко.

Авторы сборника – представители отечественных историографических центров: Москвы, Санкт-Петербурга, Казани, Челябинска, Омска, Петрозаводска, Киева и других городов – анализируют комплекс историографических проблем, связанных с пониманием роли и места женщины в мире науки, с особенностями и типологией научных коммуникаций.

Традиционным в сборнике является раздел публикации документов и материалов, включающих официальную и личную переписку представителей исторической науки, заметки мемуарного плана, образцы художественного творчества ученых, иллюстрирующие изучаемые процессы на языке историографического первоисточника.

Для историков, историографов, науковедов, культурологов и всех интересующихся миром творца исторического знания.

УДК 930.1
ББК Т1(2)6

ISBN 978-5-7779-0955-8

© ГОУ ВПО «Омский госуниверситет
им. Ф.М. Достоевского», 2008

© Общество интеллектуальной истории, 2008

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ	5
Раздел 1. ЖЕНЩИНЫ В МИРЕ НАУКИ	8
✓ <i>Гришина Н.В.</i> Ученицы, слушательницы, почитательницы...	
Женщины в мире «мужской» науки (в конце XIX – начале XX в.).....	8
<i>Иванова Т.Н.</i> Женщины в судьбе В.И. Герье	29
<i>Антощенко А.В.</i> Трагедия любви (Путь Г.П. Федотова к Истории) ..	50
✓ <i>Шевелева П.В.</i> Молодость историка (начало жизненного и профессионального пути М.В. Нечкиной)	76
<i>Дребушевская Г.А.</i> Е.В. Гутнова о средневековом представительстве и проблемах демократии.....	119
<i>Бикеева Н.Ю.</i> «Осветившая тёмную меровингскую эпоху»: мирское и сакральное в агиографическом образе королевы Радегунды.....	141
<i>Гуржий А.И., Юсов С.Л.</i> Научная деятельность Екатерины Стецюк в Институте истории Украины	153
<i>Хряков А.В.</i> Немецкий историк Хильдегард Шедер: ресурсы научной карьеры.....	171
<i>Зезина М.Р., Кознова И.Е., Роголина Н.Л., Рыженко В.Г., Сивохина Т.А.</i> Вспоминая уроки гармонии «ученого» и «женского»: к образу советского историка В.М. Селунской.....	197
<i>Свешникова О.С.</i> Женский взгляд. Археологическая экспедиция в гендерном измерении.....	222
Раздел 2. ТИПОЛОГИЯ НАУЧНЫХ КОММУНИКАЦИЙ	238
✓ <i>Алеврас Н.Н.</i> «Своя игра»: историк вне «школьной» традиции или опыт персонального выбора в пространстве историографического быта	238
✓ <i>Солодянкина О.Ю.</i> Как знали и как преподавали историю иностранные гувернеры и гувернантки в России (XVIII – первая половина XIX в.).....	268
✓ <i>Краснова Ю.В.</i> Университет как коммуникативное пространство (на примере столичных университетов России конца XIX – начала XX в.).....	285
<i>Бычков С.П.</i> Трансформация коммуникаций русского церковного академического сообщества на рубеже XIX–XX вв.....	304
✓ <i>Волошина В.Ю.</i> Коммуникативная практика научного сообщества русского зарубежья в контексте «профессорской культуры» (по материалам переписки А.А. Кизеветтера)	322

Кныш Н.А. Образ советской исторической науки и историка в газете «Культура и жизнь» (к вопросу об особенностях коммуникативного пространства)	332
Воробьева О.В. Тойнби и тойнбиана второй половины 50-х – начала 60-х гг. XX в. как феномены «духа времени»	365
/ Свешников А.В., Степанов Б.Е. Коммуникативные стратегии постсоветских исторических альманахов	387
Раздел 3. ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ	412
✓ Мягков Г.П., Хамматов Ш.С. «Остаюсь любящая мать и самый искренний друг Софья Корсакова», или «Обратная семантика» жизни и творчества историка Дмитрия Корсакова	412
Малинов М.А. «Хотя отчасти Сибирь наполнить духом живым» (письма Н.М. Ядринцева М.М. Стасюлевичу, стихотворение Н.М. Ядринцева «Север»)	440
√ Мамонтова М.А. Первая русская женщина – магистр русской истории (подборка документов, посвященная М.А. Островской).....	449
Корзун В.П. «Теперь мне кажется, что он пойдет по своей прямой дороге и не погибнут его дарования и надежды...» (материалы к биографии Ивана Александровича Лаппо-Данилевского, подготовленные его матерью Еленой Дмитриевной)	455
Антощенко А.В. «Вторая муза историка» (стихотворения Г.П. Федотова).....	500
Письма Е.И. Стецюк (Публикация россыпи писем с краткими комментариями дочери Л.С. Кулик).....	507
Гутнов Д.А. Е.В. Гутнова в характеристиках Е.А. Косминского (Публикация из архива наследников Е.В. Гутновой её четырех официальных характеристик, составленных учителем, членом-корреспондентом Академии наук СССР Е.А. Косминским).....	512
СПИСОК НАУЧНЫХ ТРУДОВ ДОКТОРА ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОРА ВАЛЕНТИНЫ ПАВЛОВНЫ КОРЗУН ЗА ПЕРИОД С 1998 ПО 2008 гг.	521
СПИСОК НАУЧНЫХ ТРУДОВ ДОКТОРА ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОРА ВАЛЕНТИНЫ ГЕОРГИЕВНЫ РЫЖЕНКО ЗА ПЕРИОД С 1998 ПО 2008 гг.	532
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	553
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	556

**«Теперь мне кажется, что он пойдет
по своей прямой дороге и не погибнет
его дарования и надежды...»**

(материалы к биографии Ивана Александровича
Лаппо-Данилевского, подготовленные его матерью
Еленой Дмитриевной)*

Публикуемый мною фрагмент источника погружает нас в «труды и дни» Ивана Александровича Лаппо-Данилевского (1896–1931 гг.) – математика с мировым именем – члена-корреспондента АН СССР. Его выдающимися достижениями были решение уравнения Рiemанна-Пуанкаре, и разработка теории дифференциальных уравнений. Эти труды вписали его в пространство интеллектуального внимания научного сообщества. На протяжении более чем полувека работы И.А. Лаппо-Данилевского признаются классическими специалистами-математиками, как и труды его знаменитого отца Александра Сергеевича Лаппо-Данилевского – специалистами-историками и вообще гуманитариями.

Мое обращение к фигуре математика на страницах «Мира историка» требует объяснения с читателем, что я намерена и сделать. Занимаясь творчеством А.С. Лаппо-Данилевского и созданной им школой, нельзя не обратить внимания на особенности его коммуникативных стратегий, не укладывающихся в сложившийся и укорененный во второй половине XIX века профессиональный канон. Разрабатывая междисциплинарную модель исторического исследования, «сильную версию» дисциплинарного самоопределения методологии исторической науки, и программу эпистемологического знания, Лаппо-Данилевский осознавал трудность и масштабность поставленных задач, требующих принципиально иной формы организации науки. Отсюда исходил поиск иных сетей общения, попытки формирования соответствующей интеллектуальной среды, готовой к ситуации «крупного разговора». А.С. Лаппо-

---

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ. № грантового проекта – 08-06-00272.

© В.П. Корзун, 2008

Данилевский в силу особенностей природы и служебного положения в Императорской Академии наук оказался на пересечении нескольких интеллектуальных сетей в петербургском научном ландшафте – историков, философов, социологов и математиков. И не случайно именно он вводит сына в круг общения со знаковыми фигурами среди математиков, которые выступают первыми экспертами его самостоятельных построений и ориентируют Ивана на научную работу.

Научная преемственность соответствует логике развития науки и осуществляется через различные каналы научной коммуникативности, в том числе через сеть личных связей и контактов. В литературе выделяются, как правило, классические, традиционные варианты коммуникативного общения, такие как «вертикальные» – учитель – ученик и «горизонтальные» – кружки единомышленников (и в первом и во втором вариантах речь идет, преимущественно, о коммуникациях в рамках одной профессии). Но коммуникативная реальность разнообразней и обращение к феномену Лаппо-Данилевских – «продленной гениальности» – дает нам возможность в исследовании интеллектуальной сети сместить акцент с трансляции научных идей и концепций на преемственное усвоение научных ценностей, интеллектуальных традиций и ритуалов. В связи с таким посылом возникает соблазнительная задача – рассмотреть семью интеллектуалов, как ячейку сетевого общения. А это уже те проблемы, которые составляют «территорию» «Мира историка».

Не смотря на принадлежность к разным поколениям, на наличие различного социального опыта и практик научной социализации мы можем констатировать во многом схожесть жизненных миров и научных ценностей отца и сына Лаппо-Данилевских.¹ Значимым каналом трансляции этих ценностей была семья. Сама

---

¹ Подр. об этом см.: *Корзун В.П.* Отец и сын в мире науки: А.С. и И.А. Лаппо-Данилевские // Политические и интеллектуальные сообщества в сравнительной перспективе М.: ИВИ РАН, 2007. С. 214–217; *Она же.* Жизненный мир И.А. Лаппо-Данилевского в интерьере советской повседневности // Культура и интеллигенция меняющихся регионов России: XX век. Интеллектуальные диалоги: XXI век. Россия – Сибирь – Казахстан: мат. VI Всерос. науч. и науч.-практ. конф. с междунар. участием (Омск, 3–5 октября 2006 г.). Омск, 2006. С. 23–28.

констатация такого явления достаточно тривиальна, трудно найти в истории науки в рамках биографического жанра текст, где бы не говорилось о семейном влиянии на личность будущего ученого. И в тоже время процесс становления ученого, особенно ставшего великим, представляет тайну, которую стараются постичь потомки, этот процесс всегда уникален, связан с экзистенциальным опытом индивида, с особенностями его самоидентификации. Последнее предполагает культурное присвоение унаследованного коллективного опыта близкой ему социальной группы. В нашем случае, и в этом его уникальность, семья Лаппо-Данилевских, может быть представлена как уникально концентрированная часть профессорской культуры, с присущими ей ритуалами и жизненным миром, соответствующими стереотипами поведения.

Публикуемый источник в этом плане чрезвычайно информативен, хотя стоит обратить внимание на его специфические особенности, в том числе на его структурную сложность. Это своего рода источник в источнике, первая часть которого представляет биографический очерк И.А. Лаппо-Данилевского, а во второй размещены в хронологическом порядке выписки из писем самого Ивана Александровича и его близких, составляющих семейный круг – матери и жены. Последним трагическим аккордом данного документа является копия письма члена Парижской академии наук, известного математика Жака Адамара Ольге Алексеевне, супруге Ивана Александровича, в котором он выражает ей соболезнования в связи с кончиной мужа.

Автором-составителем «Материалов для биографии Ивана Александровича Лаппо-Данилевского» является его мать – Елена Дмитриевна Лаппо-Данилевская (1868–1942)². Она выступает первым биографом своего сына (хотя уточним, что к этому времени, кроме некрологов, уже была опубликована о нем краткая энциклопедическая справка)³. Особенностью рассматриваемого нами документа является пронзительный, личностный характер (мать, выстраивающая биографию тяжело больного сына, находившемся в ситуации постоянной угрозы и трагически рано ушедшем из

---

² Благодарю своих коллег Е.А. Ростовцева и А.В. Антошенко за предоставленную информацию о датах жизни Е.Д. Лаппо-Данилевской.

³ БСЭ. М.1937. Т. 31. С. 757.

жизни). Сознание человеческой и научной незаурядности Ивана Александровича («Вани») и нависшей над ним смертельной угрозы определяют характер документа (научная биография и вместе с тем человеческая трагедия). «Русский гений издавна венчает тех, которые мало живут»... В то же время для очевидцев и участников разыгрывающейся высокой трагедии (авторов писем) характерна благородная сдержанность, присущая представителям «культурного гнезда» Лаппо-Данилевских, хотя нельзя не отметить в письменной речи молодого Лаппо-Данилевского нового советского лексикона, употребление сленга и соответственно отступления от академически сдержанной манеры письма его отца.

Полагаем, что Елена Дмитриевна, не являясь профессиональным ученым, при составлении биографии исходила из ценностных установок профессорской культуры, этоса науки – биограф открывает в человеке и его мире лишь то, против чего, вероятно не стал бы возражать и сам человек. Этот принцип в современной биоисториографии рассматривается как основополагающее ценностно-этическое требование⁴. Для Елены Дмитриевны – жены выдающегося историка и матери выдающегося математика, профессорская культура не была, внешним атрибутом её жизни, диктовавшим лишь определенные нормы поведения. Она разделяла базовые ценности по отношению к науке, культивирующиеся в сообществе интеллектуалов второй половины XIX в., в том числе в кругу её ближайших друзей и родственников. А круг этот весьма примечателен и связан он с «Приютинским братством», хотя и не сводим исключительно к нему. Елена Дмитриевна (в девичестве Бекарюкова) – двоюродная сестра Ивана Михайловича Гревса. В свою очередь, сестра Елены Дмитриевны – Мария стала женой Ф.Ф. Ольденбурга. Через Гревса проходила и другая линия – его жена Мария Сергеевна Зарудная состояла в родстве с Натальей Егоровной Старицкой – женой Владимира Ивановича Вернадского. Братья Ольденбурги, Вернадский, Гревс – знаковые фигуры братства. Хотя Лаппо-Данилевский не входил в ядро братства, но был связан с ним по-родственному, участвовал как в практических

---

⁴ *Беленький И.Л.* Биография и биографика в отечественной культурно-исторической традиции // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 5. Спец. вып.: Историческая биография и персональная история. М., 2001. С. 45.

делах этого сообщества, так и в общем «духовном кровообращении», формирующем единое интеллектуальное поле (об этом свидетельствуют архивные документы, в частности переписка А.С. Лаппо-Данилевского с М.С. Зарудной⁵, и воспоминания И.М. Гревса⁶). Служение науке в рамках данного сообщества ощущалось и осмысливалось как важнейшая ценность и одновременно долг⁷. Со временем «именно жизнестроительная роль науки» и религии выходят у приютинцев на первый план...»⁸. «Любовь других, близкая дружба, возможность общения, общего дела, общей жизни – одно из лучших наслаждений жизни»⁹, – так выразила одну из максим приютинцев жена В.И. Вернадского. Как представляется, перед нами феномен содержательно расширяющейся, ценностно нагруженной коммунитарности, когда погружение в интересы друг друга, приближение их к «своим» становится стилем жизни. Научная, родственная, ценностная коммуникативность переплетались в этом специфическом «приютинском социуме», и, совершенно естественно, жены ученых (деятели сообщества), таким образом, общались к этосу науки, одной из значимых черт которого как раз и называется коммунитарность.

Не располагая формальными данными об образовании Е.Д. Даппо-Данилевской (в заполненной ею анкете при заключении трудового договора в 1939 г. в графе «образование» значится «среднее»)¹⁰, на основании подготовленного ею текста биографии сына, и имеющихся в нашем распоряжении немногих (увы!) био-

---

⁵ АРАН СПб. Ф. 113. Оп. 3. Д. 4. Л. 28 об.

⁶ Гревс И.М. Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский (Опыт истолкования души // Русский исторический журнал. Кн. 6. 1920.

⁷ Корзун В.П. Образы исторической науки на рубеже XIX–XX вв. Екатеринбург; Омск, 2000. С. 40–41, 86–87.

⁸ См. об этом подробнее: Еремеева С.А. Забыть, чтобы помнить // Мир историка. Историографический сборник. Вып. 3. Омск. 2007. С. 80; Она же. В пространстве воспоминаний: мемуары членов Приютинского братства // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 20. М., 2007. С. 218.

⁹ Цит. по: Еремеева С.А. Братья и сестры. «Приютинское братство» как союз мужчин и женщин // Адам и Ева. Альманах гендерной истории / под ред. Л.П. Репиной. № 8. М.: ИВИ РАН, 2006.

¹⁰ АРАН СПб. Ф. 7. Оп. 3 Д. 38. Л. 1. Скорее всего речь идет о гимназическом образовании. Известно так же, что в 1890-х гг. Е.Д. преподавала в одной из школ Санкт-Петербурга на Голодае вместе с женой И.М. Гревса – Марией Сергеевной.

графических данных, мы все же можем сделать вывод, что перед нами интеллигентный и высокообразованный человек. Выросшая в дворянской семье, Елена Дмитриевна хорошо владела немецким и французским языками¹¹. В трудные для нее годы, уже после смерти сына, она искала работу переводчика, и такую работу ей предлагали, о чем она сама упоминала в письме к А.И. Андрееву – ученику А.С. Лаппо-Данилевского¹². В круг её чтения входила специальная литература по истории и философии. Так, в одном из писем к Марии Сергеевне Зарудной А.С. Лаппо-Данилевский сообщает о совместном чтении с Еленой Дмитриевной Ипполита Тэна¹³. И муж и сын обращаются к ней за сочувственным пониманием не только по чисто житейским, но и по научно мировоззренческим проблемам, предполагая в ней, как само собой разумеющееся, интеллектуально заинтересованного корреспондента. Эта заинтересованность, понимание масштабности и важности, совершенного в науке и жизни («научного подвига») её мужем и сыном, побуждает Елену Дмитриевну заботиться о сохранении их научного и культурного наследия, чему она и посвящает остаток своей жизни. Она передает частями материалы мужа в Архив Академии наук (в 1936, 1937, 1939, 1940 гг.), дорогие для нее письма Александра Сергеевича личного характера, адресованные ей и М.С. Гревс, тщательно копирует, оставляя оригиналы в семье. До последних дней Елена Дмитриевна проявляет озабоченность судьбой рукописного наследия Александра Сергеевича. В письме от 18 февраля 1940 г. (к этому времени ей уже 72 года) она пишет: «Мне самой из-за старческой беспомощности было недоступно быть на кладбище 7 февраля¹⁴. Но ведь я пошла, как ежедневно в последнее время, на другое кладбище¹⁵, где похоронен пока жизненный труд Александра Сер-

---

¹¹ По воспоминаниям её старшей сестры Н.Д. Гизетти, мать много читала своим детям «вслух, преимущественно по-немецки и по-французски. Обоим языкам (а позднее и английским) мы у нее обучались и не раз спасибо ей сказали за это в жизни». ОР РНЦ. Ф. 419. Оп. 1. Д. 4. Л. 33 об.

¹² АРАН СПб. Ф. 934. Оп. 5. Д. 222. Л. 1 об.

¹³ Там же. Ф. 113. Оп. 3. Д. 4. Л. 42 об.

¹⁴ 21-я годовщина со дня смерти А.С. Лаппо-Данилевского.

¹⁵ Речь идет об архиве Академии наук, где она работала по договору с 21 сентября 1939 г. по 1 июля 1940 г., заполняя карточки по увольнению и перемеще-

геевича. И мне здесь легче, чем там, потому что там чувство конца навсегда, а здесь теплится надежда, что, может быть, это не смерть, а только временный тлен его мысли»¹⁶. Передавая рукописи, Елена Дмитриевна оговаривает условия появления их в печати¹⁷.

«Материалы к биографии Ивана Александровича Лаппо-Данилевского» Елена Дмитриевна передала в Архив Академии наук в октябре 1938 г. Оригиналы писем и часть рукописей Ивана Александровича оставались у его вдовы Ольги Алексеевны в Берлине¹⁸. Аналогичный текст, также написанный её рукой, был передан в Публичную библиотеку им. Салтыкова-Щедрина другом семьи А.М. Нечаевым в 1947 г. уже после смерти Е.Д. Лаппо-Данилевской¹⁹.

Общий объем рукописи (две тетради в коленкоровом переплете) составляет 146 л. За этим текстом (переписанным дважды) стоит титаническая работа не только и не столько кописта, а автора/составителя материалов и интерпретатора истории жизни и научного открытия сына: она перечитывает всю семейную переписку, обращается к бумагам своего скончавшегося в 1934 году брата – Дмитрия Дмитриевича Бекарюкова²⁰ и других родственников,

---

нию личного состава Академии наук по протоколам президиума АН СССР. АРАН СПб. Ф. 7. Оп. 3. Д. 38. Л. 1–20.

¹⁶ АРАН СПб. Ф. 934. Оп. 5. Д. 222. Л. 2 об.

¹⁷ Там же. Ф. 2. Оп. 1917. № 45. Л. 210.

¹⁸ Как явствует из отчета ученого архивиста И.С. Лосевой, Ольга Алексеевна присылала из Берлина копии писем и рукописей члену-корреспонденту АН СССР В.И. Смирнову. АРАН. Ф. 113. Дело фонда. Л. 5.

¹⁹ ОР РНБ. Ф. 419. Оп. 1 Д. 5. Л. 1. В заявлении А.М. Нечаева на имя директора Публичной библиотеки указывалось, что он исполняет волю покойной вдовы академика А.С. Лаппо-Данилевского и передает в дар: «1) альбом академика А.С. Лаппо-Данилевского, 2) дневник сестры Елены Дмитриевны, матери покойного А.А. Гизетти и 3) две тетради копий писем покойного члена корреспондента Академии наук СССР И.А. Лаппо-Данилевского».

²⁰ Бекарюков Дмитрий Дмитриевич (1861–1934) – родной дядя И.А. Лаппо-Данилевского (брат Елены Дмитриевны Лаппо-Данилевской). В 1886 г. окончил медицинский факультет Казанского университета. С 1898 г. в Москве, редактор отдела гигиены журнала «Вестник воспитания». Секретарь (с 1901) и председатель (с 1907) московской комиссии школьных врачей. После Октябрьской революции до 1931 г. заведовал московским школьно-санитарным бюро, затем работал в Институте гигиены им. Ф.Ф. Эрисмана. После Октябрьской революции работал в комиссиях Наркомпроса РСФСР и Московского отдела народного об-

чтобы максимально расширить круг адресатов Ивана Александровича, и тем самым полнее представить стремительный бег его мысли, не упустить многослойный и напряженный контекст её развития. Перед нами безусловно субъективная выборка писем и отрывков из них. Эта субъективность сознательно задается автором, Е.Д. Лаппо-Данилевская выступает как историк науки и видит свою задачу в том, чтобы показать путь ученого к научному открытию в интерьере повседневной жизни, изумительную работу мысли, эмоции, сопровождающие «этот трепетный труд: озарения, колебания, торжество новой, упорной проверки»²¹. Но она, уже знает цену напряженного интеллектуального взлета и всемирного признания И.А. Лаппо-Данилевского – смерть на тридцать пятом году жизни... Перечитывая письма и отзывы на его работу она очевидно ещё раз проживает вместе с сыном ту часть жизни, на которую пришелся расцвет его творчества (1922–1931 гг.) и определяет содержание этого периода названием подборки писем «Повесть о том, как он сгорел». В силу указанных обстоятельств, этот документ не может оставить читателя равнодушным, его эмоциональная наполненность волнует и захватывает. Впервые за многие годы работы с архивными материалами я плакала над рукописью и нисколько этого не стыжусь.

Биография самого Ивана Александровича дается в предисловии к публикации, составленном Е.Д. Лаппо-Данилевской. Поэтому обращу внимание лишь на два момента, как мне представляется, проясняющих контекст его творчества и изменения коммуникативного поля науки. Становление И.А. Лаппо-Данилевского как ученого приходится на период грандиозных социокультурных трансформаций – прощания со «старым миром», старым Петербургом (стык Петербурга и Ленинграда по выражению С. Волкова)²², старой профессорской культурой и «строительства» иного, нового интеллектуального ландшафта. В воздухе Петербурга но-

---

разования, один из создателей детского здравоохранения. (См. Российская педагогическая энциклопедия / под ред. В.В. Давыдова. В 2 т. Т. I. М.: РПЭ, 1993. С. 75–76).

²¹ ОР РНБ. Ф. 419. Оп. 1. Д. 2. Л. 8.

²² Волков С. История культуры Санкт-Петербурга с основания до наших дней. М., 2003. С. 478.

сились идеи обновления и перемен, соединяясь со стремлением «длить» и защищать исчезающую культуру. «Наша воля к творчеству универсальна, она перехлестывает все виды искусства и врывается в жизнь, охватывая её со всех сторон»²³ – так выразили свое умонастроение участники «Объединения реального искусства», центральной фигурой которого был 22-х летний Д. Хармс. Мне представляется, что в этих словах манифеста группы ОБЭРИУ выражена психологическая доминанта молодых интеллектуалов (не только литераторов) 1920-х гг. – **воля к творчеству** (выделено мною. – В.К.), то, что на мой взгляд, помогло И.А. Лаппо-Данилевскому преодолеть психологический кризис и вернуться в науку в невероятно сложных жизненных условиях. Его путь в науку не был прямым как Невский проспект, хотя казалось, что судьбой он был предначертан именно таковым.

В постреволюционном Петрограде И.А. приходилось заботиться об элементарном физическом выживании. Он работал в ряде советских учреждений²⁴, с 1922 по 1925 гг. являлся председателем домоуправления, вел судебные дела, добывал кредиты – занимался «домовыми пакостями» по его определению. Весьма показательны строки писем этого периода: «Два или три дня в ближайшее время займут неотложные домовые дела: обход всех квартир в связи с установлением новой платы, смета на ремонт, общее собрание, заем в коммунальном банке...».²⁵ В жизни семьи складывались и такие ситуации, которые зафиксировала его жена: «Утром в субботу мы обнаружили, что имеем десять пирожков, немного сахара и чая, дров на одну печку и 70 коп. денег»²⁶. Но именно на это время пришлось возобновление его систематической работы над теорией дифференциальных уравнений. В 1924 г. он восстанавливается в университете. В 1925 г. оканчивает его и поступает в аспирантуру и заявляет о себе как о самобытном ученом. В 1929 г. он блестяще защищает диссертацию. По словам

---

²³ Цит. по: Волков С. Указ. соч. С. 479.

²⁴ Согласно записи в дневнике Н.Н. Платоновой в 1919 г. И.А. Лаппо-Данилевский преподавал историю в Покровской гимназии и одновременно заведовал хозяйственной частью. ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1 Д. 5698. Л. 89.

²⁵ ОР РНБ. Ф. 419. Оп. 1 Д. 3. Л. 14.

²⁶ ОР РНБ. Ф. 419. Оп. 1. Д. 3. Л. 51 об.

Ж. Адамара труд И.А. Лаппо-Данилевского «произвел переворот в одной из самых важных и таинственных областей теории дифференциальных уравнений и аналитических функций». Решая двойную проблему Рiemанна-Пуанкаре, он предложил новые аналитические методы, «создание и призвание которых может быть только делом совершенного математика»²⁷. В это трудное время рядом с ним – две женщины, мать и жена, кстати «профессорская дочка». Они подчиняют свою жизнь интересам И.А. Лаппо-Данилевского, разделяя ценности профессорской культуры. Достиг бы он без них того, чего достиг?

Второй момент, который бы хотелось специально оговорить, касается коммуникативных практик, базирующихся на идеях космополитизма науки или по другой терминологии – академического интернационализма, хотя они (практики) разворачиваются уже в условиях построения в советской России национально-государственной модели науки. Обратим особое внимание на то, что в 1920-е гг. происходит процесс восстановления научных коммуникаций, прерванных первой мировой войной. Более того, благодаря деятельности крупных филантропических организаций у науки появляются новые коммуникативные возможности.

Единственную в своей жизни заграничную командировку И.А. Лаппо-Данилевский получил благодаря стипендии Рокфеллеровского фонда, что само по себе являлось свидетельством международного признания. Отцом-основателем Рокфеллерского фонда считается Джон Дэвисон Рокфеллер-старший (1839–1937 гг.). После первой мировой войны фонд ориентируется на поддержку фундаментальной науки. Одним из каналов такой поддержки были зарубежные стипендии молодым ученым из Европы и Америки. Вследствие политических причин масштабы действия фонда в СССР были не слишком велики²⁸. Назначение стипендий ученым не предполагало непосредственных контактов между фондом и официальными советскими органами. Механизм назначения стипендий основательно прописан А.Б. Кожевниковым, специально занимающимся этими сюжетами: «Отдельно решался вопрос о

---

²⁷ ОР РНБ. Ф. 419. Оп. 1. Д. 3. Л. 27.

²⁸ См. об этом подробнее: *Кожевников А.Б.* Филантропия Рокфеллера и советская наука // ВИЕТ. 1993. № 2. С. 80–111.

присуждении стипендии (сторонами здесь выступал фонд, сам кандидат, а также в качестве рекомендателя кто-то из старших и признанных коллег) и отдельно – вопрос о разрешении на выезд из СССР, который оформлялся как научная командировка. Такие командировки за границу были бюрократически хлопотным²⁹, но все же вполне распространенным явлением, и о многих ученых того поколения известно, что они ездили за рубеж по линии Академии наук или соответствующих наркоматов»³⁰. Стипендия выдавалась только для работы за границей, она составляла от 120 до 180–200 (для женатых) долларов в месяц. Оплачивались также расходы на дорогу и научные исследования. В случае И.А. Лаппо-Данилевского в качестве рекомендателей выступили американский математик Джордж Биркгофф, немецкий математик, профессор Гиссенского университета Людвиг Шлезингер, специалист в области теории дифференциальных уравнений, теории функций, издатель старейшего немецкого математического журнала «Крелле» и академик Академии наук СССР И.М. Виноградов³¹. Академик Алексей Николаевич Крылов, в то время директор Физико-математического института ходатайствовал перед Президиумом АН СССР о представлении И.А. Лаппо-Данилевскому заграничной командировки. А.Н. Крылов полагал, что «Рокфеллеровская стипендия даст возможность молодому ученому «усовершенствоваться в кругу выдающихся иностранных специалистов в избранной им научной области»³². В конце сентября 1930 г., с трудом поднявшись с постели, И.А. Лаппо-Данилевский с женой и дочерью уезжают в Германию. Так начинается Гиссенский период жизни Ивана Александровича, чрезвычайно плотный, насыщенный личными контакта-

---

²⁹ Со второй половины 1920-х гг. среди инстанций, ведавших делом заграничных командировок, помимо НКВД, по замечанию современного исследователя А.Н. Дмитриева, возросло влияние ОГПУ и его Иностранного отдела, представители которого возглавляли и Комиссию ЦК партии по выездам. См.: *Дмитриев А.Н.* От академического интернационализма к системе национально-государственной науки // Наука, техника и общество России и Германия во время первой мировой войны / отв. ред. Э.И. Колчинский и Д. Байрау. СПб., 2007. С. 49.

³⁰ *Кожевников А.Б.* Указ. соч. С. 88.

³¹ *Федоров Л.* Потери науки. Памяти И.А. Лаппо-Данилевского // *Природа*. 1931. № 9. С. 928.

³² АРАН. СПб., Ф. 759. Оп. 2. Д. 106. Л. 2.

ми с немецкой профессурой, началом совместной работы над несколькими проектами, период, который очень скоро – в марте 1931 г. оборвется смертью. Открытие ценою в жизнь...

Публикуемый ниже фрагмент «Материалов...» включает биографию Ивана Александровича, подготовленную Е.Д. Лаппо-Данилевской, и сделанную ею выборку из писем 1922–1925 гг. Представляется, что в жизни и творчестве нашего главного героя это был важный этап, связанный с возобновлением интенсивной работы над волновавшей его математической задачей, восстановлением в университете и его окончанием и, наконец, поступлением в аспирантуру. По словам его старшего коллеги и покровителя Г.М. Фихтенгольца³³, И.А. Лаппо-Данилевским именно в это время был выдан «математике крупнейший вексель, по которому никак нельзя отсрочить уплату»³⁴.

Как уже упоминалось «Материалы ...» хранятся в двух архивохранилищах – в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки и в Санкт-Петербургском архиве Академии наук. При сопоставлении эти тексты оказались идентичными. «Материалы к биографии...» написаны от руки, фиолетовыми чернилами в двух общих тетрадах в линейку. В первую тетрадь вклеена фотография, на которой изображен Иван Александрович за письменным столом в рабочем кабинете. Фотография датирована 1930-ым г. При подготовке данного материала к печати возникла необходимость в незначительном сокращении текстов писем, что связано не столько с ограничением объема публикации, сколько с попыткой избежать повторов из писем разным адресатам в случаях описания болезней и подробностей научной каждодневности. В таких случаях нами в комментариях указана фабула опущенных фрагментов. В публикуемом документе письма представлены в хронологической последовательности по годам, но, к сожалению, автор «Материалов...» не датировал письма внутри годовой хронологической группировки. При подготовке к публикации документа, орфография приведена в соответствии с современными нормами. Сокра-

---

³³ Григорий Михайлович Фихтенгольц (1888–1959), известный математик, основатель Ленинградской школы теории функций вещественной переменной (См.: <http://www.math.spbu.ru/user/analysis/history/fikhteng.html>).

³⁴ ОР РНБ. Ф. 419. Д. 3. Л. 34.

щения расшифрованы в квадратных скобках. Елена Дмитриевна, многих персонажей переписки обозначает лишь инициалами, что потребовало специального комментария, вынесенного в подстрочник. Некоторые инициалы остались не расшифрованными. Примечания самой Е.Д. Лаппо-Данилевской нами вынесены из текста в его конец, примечания И.А. Лаппо-Данилевского помещены в круглые скобки. Подчеркивания принадлежат автору-составителю «Материалов к биографии...», но, скорее всего, когда дело касалось цитирования писем, Елена Дмитриевна следовала оригиналу. В предлагаемой публикации сознательно нарушено пространство авторского текста, путем введения к каждому письму архивной ссылки. Корреспондент и адресат обозначены фамилиями и инициалами, тогда как у автора-составителя, такого единообразия нет, при повторах автора и реципиента она иногда прибегает к формуле «тоже». Этот ход наверняка вызовет критику, так как нарушает профессиональный канон, но мною двигало желание облегчить читателю знакомство с уникальным, многослойным источником – с одной стороны, это текст-источник, созданный Е.Д. Лаппо-Данилевской, с другой – это множество текстов участников коммуникативного процесса в рамках уникальной профессорской семьи и мне хотелось, чтобы это многоголосье было услышано.

В заключение выражаю благодарность моим ученикам: аспирантке Наталье Кныш и магистрантам исторического факультета Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского: Ольге Гуровой, Наталье Коноваловой, Татьяне Сидорякиной, Айгирим Кикимбаевой, Виолетте Дымченко, Елене Катюшкиной за помощь в подготовке к изданию данной рукописи. Надеюсь, что в ближайшее время удастся опубликовать последующие части «Материалов к биографии Ивана Александровича Лаппо-Данилевского».

**Материалы для биографии
Ивана Александровича Лаппо-Данилевского.
Краткий биографический очерк**

Не так ли метеор в ночи
Срываясь, упадет
И на лету своим лучи
Последние роняет

В страну лучей обетованную
Вошла душа, иного ждавшая,
В огнях земли звезду желанную
Звезду бессмертную искавшая

Иван Александрович Лаппо-Данилевский родился в Петербурге 16 октября (старого стиля) 1896 года. Он рос в нежной дружбе со своим младшим братом Александром, обещавшим быть выдающимся художником, но погибшим 22 лет от сыпного тифа в 1920 году¹. Детство и юность обоих братьев прошла под большим умственным и нравственным влиянием их отца, известного историка – академика Александра Сергеевича Лаппо-Данилевского, скончавшегося в 1919 году.

Это был замечательный человек, у которого, по словам его биографа, сложная и богатая природа одухотворилась первоклассным дарованием: «основная связующая черта А[лександр] С[ергеевич]. – неизменная принципиальность: всегда за идею и по идее, интеллектуально – в познании истины, этически – в осуществлении добра. Страданием за отыскание правды и проведением её была действительно вся его жизнь. Непрерывная работа его и самый отдых были полны неослабевающей думы и строящей силы. Замечательное восхищающее чудо духовности, победы духа³⁵.

В те немногие свободные минуты, которые А[лександр] С[ергеевич] мог посвятить своим детям, он отдавал им изумительно много двигающего вперёд ум и душу. Никто, как он, не умел рассказывать им «Сказку Гомера», заинтересовать ещё очень маленьких мальчиков изображениями великих памятников искусства

---

³⁵ Гревс И.М. А.С. Лаппо-Данилевский. (Опыт истолкования души) // Русский исторический журнал. Кн. 6. 1920.

по большой коллекции художественных фотографий, познакомить их своей вдохновенной игрой на рояле с доступными им произведениями музыкальных композиторов. Ещё в 8–9 лет Ив[ан] Ал[ександрович] не мог заснуть от волнения, когда отец играл Вагнера и, при помощи своего абсолютного слуха, старался потом подобрать запавшие в душу сложные мелодии. Прогулки с отцом открывали мальчикам глаза на красоту природы, путешествия с ним оставили неизгладимые впечатления на всю жизнь.

С раннего детства братья научились понимать силу, высоту и значение умственного труда и, собственная, сначала детская любознательность, а затем и постоянный научный интерес пробудились у Ивана Александровича очень рано.

Первоначальный интерес к математике был, несомненно, заложен в нём также отцом, который считал математику самой совершенной наукой и систематически ею занимался, в интересах всестороннего обоснования своих философских идей.

Ещё до поступления сына в гимназию Александр Сергеевич занимался с ним геометрией полчаса каждое утро, и мальчик очень гордился этими занятиями.

Одиннадцати лет Ив[ан] Ал[ександрович] поступил во второй класс частной гимназии им. Л.Д. Лентовской³⁶. Это был период расцвета таких частных школ, с правами правительственных гимназий, руководимых в большинстве случаев группами настоящих педагогов... И о гимназии Лентовской Ив[ан] Ал[ександрович] говорил всегда с чувством глубокой благодарности, сохранил о ней самые светлые воспоминания. Всегда вдумчивые и внимательные к индивидуальности учащихся педагоги школы Лентовской скоро убедились в незаурядности природы этого мальчика и давали ему полную возможность развиваться свободно, вне общих рамок школьной жизни.

Таким образом, уже в стенах средней школы стремительно стало расцветать математическое дарование Ивана Алексеевича, и

---

³⁶ Школа образовалась спустя несколько лет после революции 1905 г. из числа преподавателей, изгнанных из казенных гимназий за революционную деятельность. Гимназия была основана на деньги Л.Д. Лентовской – известного театрального интпренера. (См.: *Лихачев Д.С.* Прошлое – будущему. Статьи и очерки. Л.: Наука. 1985. С. 21.).

к концу гимназии им уже пройден был полностью университетский курс математики математического факультета.

В то же время, под влиянием отца, он стал увлекаться чтением книг по философии, положившим начало его широкому философскому образованию. В 16 лет он, как взрослый, мог рассуждать на труднейшие философские темы.

Пятнадцати лет Ив[ан] Ал[ександрович] заболел стрептококковой ангиной, осложнившейся сердечным заболеванием. Несколько месяцев, проведённых в хорошем климате, при строгом режиме, значительно восстановили его силы, но вполне здоровым он с тех пор никогда уже не был: образовавшийся порок сердца был неизлечим.

В год окончания гимназии Ив[ан] Ал[ександрович] был уже всецело поглощён своими собственными математическими исследованиями, но тут ему были суждены тяжёлые переживания, оставившие такие глубокие последствия на всей его жизни ближайших лет.

Одну из своих первых работ, которой он придавал особенное значение, Иван Александрович показывал академику С.³⁷ и профессору Ф³⁸. Оба они, хотя несколько недоверчиво отнеслись к юному математику и его «фантастическим теориям», однако уже тогда очень заинтересовались его оригинальностью и горячо поощряли его к дальнейшей работе. Но случилось так, что ни тот, ни другой не обратили внимание на «нестрогость» в одном доказательстве, которую Ив[ан] Ал[ександрович] вдруг заметил и которая, как ему казалось, разрушала всё построение. Это открытие подействовало на него ошеломляющим образом, он долго не мог ему поверить, долго искал выходы, жил между отчаянием и надеждой, пока не настал день, когда, убедившись в том, что выхода нет, он всё бросил.

Эта его юношеская душевная драма совпала с моментом окончания им гимназии. Не чувствуя в себе совершенно сил для

---

³⁷ Скорее всего, речь идет о Владимире Андреевиче Стеклове (1863–1926), крупном математике, акад. Петерб. АН (1910). По инициативе Стеклова при АН организован физ.-мат. ин-т (1921), директором которого он был до конца жизни. (См.: Российская Академия наук. Персональный состав. Кн. 1. 1724–1917. М.: Наука, 1999. С. 93).

³⁸ Вероятно, это был Григорий Михайлович Фихтенгольц.

дальнейшей математической работы, он, страстно любя музыку, думал держать экзамен в консерваторию по классу композиции, но всё таки, в конце концов, как то механически и инстинктивно, поступил на физико-математический факультет Петербургского университета³⁹.

Этот шаг не помог ему тогда. Новая университетская жизнь, обычно такая долгожданная и много обещающая, не увлекла Ив[ана] Ал[ександровича]. Подорванный болезнью и душевными переживаниями организм его не выдержал и началось длительное нервное заболевание, при котором всякая умственная работа была ему запрещена. Да и сам он не рвался к ней тогда, как впоследствии в таких случаях, когда напрасны бывали все угрозы докторов.

Середины Иван Александрович никогда ни в чём не знал. Он давал или слишком много или ничего не давал и, пока не прошла эта полоса его жизни, когда он чувствовал, что по разным причинам широкий размах, единственно ему свойственный в области математики, для него невозможен, он совершенно отошёл от неё.

Только постепенно, при постоянной, по его собственному выражению, «подсознательной» математической работе, происходившей с ним помимо его воли, а затем, по мере восстановления физических сил, снова всё более и более увлекаясь этой работой, Ив[ан] Ал[ександрович] к весне 1922 года оставил службу, которой занимался в ряде советских учреждений, чтобы получив университетский диплом, вполне отдаться научно-исследовательской математической работе.

И с этого времени началась та головокружительная, никогда не прекращающаяся работа его, то неудержимое стремление вперёд, которое, несмотря на чрезвычайно трудное в начале материальное положение и слабые физические силы, подняло Ив[ана] Ал[ександровича] на такую высоту, сделало в несколько лет его имя известным.

Борьба за существование в эти годы расцвета его математического творчества брала у Ивана Александровича трагически много сил и времени, несмотря на то, что потребности его и его семьи были сокращены до минимума. Так, например, с 1922 года

---

³⁹ В 1914 г. И.А. Лаппо-Данилевский стал студентом физико-математического факультета Петербургского университета.

Иван Александрович, будучи избранным председателем правления дома, в котором он жил, вёл в течение трёх лет, за более чем скромное вознаграждение, все запутанные дела этого большого дома, предпочитая заработок такого рода службе, отнимающей слишком много времени от научных занятий. Но расчет этот оказался ошибочным и Ив[ан] Ал[ександрович] был очень счастлив, получив возможность освободиться от этого дела.

Трудность совмещения научной работы с борьбой за существование очень ярко отразилось в его письмах того времени, но бодрости духа он никогда не терял, считая такое положение временным и твёрдо веря в то, что сила его творчества преодолет все эти внешние препятствия к будущей свободной математической работе.

В 1924 году Ив[ан] Ал[ександрович] был восстановлен в качестве студента математического отделения физико-математического факультета Ленинградского университета и в следующем 1925 году уже окончил его, так как готовиться ему пришлось только по тем дисциплинам, которыми он не занимался ранее (физика, механика и некоторые другие). С осени 1925 года, по представлению академика С[теклова] и профессора Ф[ихтенгольца], он был оставлен при университете по кафедре математики, что поставило его в более соответствующие научной работе внешние условия жизни. С этого же 1925 года началась его педагогическая деятельность лекциями в Ленинградском морском техникуме.

Улучшение материального положения, благодаря аспирантуре и лекциям в техникуме, создало Ив[ану] Ал[ександровичу] более уравновешенное настроение и сравнительную возможность «спокойной регулярной работы», о которой он всегда так мечтал. Но в действительности на спокойную регулярную работу он был совершенно не способен: работа захватывала его вихрем и мысль его не отпускала даже во сне.

Сохранившиеся письма Ивана Александровича дают очень ценный, живой материал, касающийся этой изумительной работы. Они рисуют приёмы её, открывают вдаль неожиданные перспективы, обнаруживают сопровождающий этот трепетный труд эмоции: озарения, колебания, торжество новой, упорной проверки.

Иначе работать в этой области Ив[ан] Ал[ександрович] и не мог, потому что математика, в которую душа его вплетала и

музыку с Вагнером, была для него не отвлечённой наукой, а целым миром «абсолютной гармонии и красоты», всецело его захватившим.

Главным результатом такой работы в течение первых трёх лет под ближайшим руководством профессора В.И. Смирнова, была его известная диссертация, защитой которой в апреле 1929 года он закончил свой аспирантский стаж.

В следующем 1929–1930 году Ив[ан] Ал[ександрович] очень расширил свою педагогическую деятельность, состоя ассистентом и профессором по кафедре математики в ряде Институтов, читая курс лекций по своей теории в университете и обаянием всей своей личности вызывал к себе совершенно исключительное отношение со стороны своих слушателей.

Но физические силы его всё слабели. Больное сердце не спеваало за переливающимся через край творчеством его гения, над которым он сам был не властен.

Осенью 1930 года, совершенно больной, каким-то чудом нервного подъема, уехал он в заграничную командировку в Gissen, по предложению и на стипендию американского Рокфеллерского Института и там, забыв о грозящей опасности, связанной для него с напряжёнными занятиями в новом расцвете своей математической работы, пережил ещё глубокое удовлетворение от широкого признания своих научных достижений (единогласное избрание в члены корреспонденты Академии Наук СССР, приглашение в Париж и другие европейские города для чтения курсов лекций по своей теории, предложение печатания в первоклассных математических изданиях своих работ и т. д.), с бесконечными планами на будущее, счастливый и жизнерадостный, никогда не веривший в возможность для себя смерти, погиб 34[-х] лет 15 марта 1931 г. в Гиссене.

ОР РНБ Ф. 419. Оп. 1 Д. 2. Л. 2–9 об.

Из писем 1922–1931 г[г].

Заснул с мыслью о том, что не страшна никакая жизненная ерунда, пока есть на свете прекрасные звуки и прекрасные алгоритмы
(Из письма 1926 г.)

Никакую красоту мира эмпирического, конечно, нельзя сравнить с красотой мира математического
(Из письма 1924 г.)

Повесть о том, как он сгорел^{II}

1922 [г.]

И.А. Лаппо-Данилевский – О.В. Терениной

Работаю над вопросом «Теория приводимых классов функций». Я очень счастлив, что Оля относится к моей научной работе, как к осуществлению жизненной цели и, довольствуясь скромной материальной обстановкой, категорически протестует против всяческих отвлечений в сторону «выколачивания денег». Вполне уверен в том, что на этих основаниях мы сумеем создать простую и счастливую жизнь.

ОР РНБ Ф. 419. Оп. 1. Д. 2. Л. 11.

1923 [г.]

И.А. Лаппо-Данилевский – О. В. Терениной

Жизнь наша течет по-прежнему. Я занят своими математическими работами. Мы с Олечкой стараемся не пропускать интересных концертов, хотя таковых в этом сезоне не особенно много (культивируются, главным образом, композиторы вроде Стравинского, Ипполитова – Иванова, а Вагнер и Скрябин, которые нам гораздо понятнее исполняются сравнительно редко). По понедельникам бываем на теософических беседах и чтениях у О.М. Я лично очень мало склонен к мистицизму; но тем не менее, мне очень интересно ознакомиться с теософией, как с весьма своеобразной философской (преимущественно даже метафизической) концепцией.

ОР РНБ Ф. 419. Д. 2. Оп. 1. Л. 11 об.

И.А. Лаппо-Данилевский – Д. Д. Бекарюкову

Сейчас я занят своей работой «Опыт структурной теории множества аналитически представленных функций», причем уже почти готовую первую часть, трактующую о сведении операции интегрирования к арифметическим операциям с некоторыми числами, приходится перерабатывать заново, так как установленные мной методы и положения применимы в гораздо более широких пределах, чем я полагал раньше.

ОР РНБ. Ф. 419. Д. 2. Оп. 1. Л. 12.

О.А. Лаппо-Данилевская – О.В. Терениной

Пишу тебе под чудные звуки «Тангейзера»⁴⁰, которого играет Ваня... Дело в том, что мы не могли устоять перед соблазном и когда оставались деньги, Ваня взял ложу на «Тангейзера». Слушали его вчера с друзьями и на нас он произвел необыкновенное впечатление.

ОР РНБ Ф. 419. Оп. 1. Д. 2. Л. 12.

1924 [г.]

О.А. Лаппо-Данилевская – О.В. Терениной

Ваня это время работает, как безумный, ночь и день – готовит свою работу: введение и первую главу.

ОР РНБ Ф. 419. Оп. 1. Д. 2. Л. 12 об.

О.А. Лаппо-Данилевская – О.В. Терениной

<...> Ваня сейчас занят: не прерывая своей научной работы сдает Хвольсону⁴¹ (для окончательных экзаменов в университете) физику по одному тому в неделю. Кроме того отрывают его по-

---

⁴⁰ «Тангейзер» – опера Р. Вагнера.

⁴¹ Хвольсон Орест Данилович (1852–1934) – физик, с 1891 – профессор петербургского университета, с 1920 г. – почетный член АН СССР. Его пятитомный «Курс физики» несколько раз переиздавался и оставался основным пособием для вузов, был переведен на немецкий, французский и испанский языки. Среди его учеников был один из создателей атомной бомбы Ю.Б. Харитон. См.: БСЭ. 1935; *Ганелин Р.Ш.* Советские историки: о чем они говорили между собой: Страницы воспоминаний о 1940-х – 1970-х годах. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Издательство «Нестор-История», 2006. С. 478.

стоянно домовые дела... Я его напрасно уговариваю бросить дом, доказывая, что мы проживем и без этого.

ОР РНБ Ф. 419. Оп. 1. Д. 2. Л. 12 об.

**И.А. Лаппо-Данилевский – О.А. Лаппо-Данилевской (Лето)
(в поезде из Москвы в Ленинград)**

Во сне видел таинственные формулы, составленные из ярко-красных товарных вагонов с какими-то гербами и из финансовых инспекторов, которые по форме должны были носить желтые галстуки.

Проснулся в Мал[ой] Вишере и до Ленинграда читал «Машину времени»⁴², где обнаружил несколько интересных мыслей, касательно этого весьма не ясного для меня понятия.

ОР РНБ Ф. 419. Оп. 1. Д. 2. Л. 13.

**И.А. Лаппо-Данилевский – О.А. Лаппо-Данилевской
Ленинград**

Засел за Хвольсона т. II. Затем ходил по квартире и обдумывал состав моих работ – «нот» для «Comptes Rendus»⁴³. Трудно это ввиду необходимости изложить мои совершенно новые в математике мысли кратко и в тоже время достаточно понятно. В два часа засел за Хвольсона.

В девятом часу забрался на зеленую кушетку и погрузился в созерцание оптической безолаборщины. Работалось надо сказать неважно, в голове такие «зайки, зайки стоят»^{III} что не дай Боже! К 11 часам отупел и расхандрился окончательно. До 11 ½ извлекал из рояля какие то весьма неопределенные аккорды. На ночь буду читать Витте»⁴⁴.

---

⁴² Речь идет о произведении Г. Уэллса (1866–1946) – английского писателя, автора социально-фантастических и бытовых романов, рассказов, а также работ по истории политики, биологии и педагогике. Упомянутое в письме произведение «Машина времени» впервые издана 1896 г., на русский язык переведена в 1966 г.

⁴³ «Comptes Rendus» – сокращенное название наиболее популярного во Франции научного журнала «Comptes rendus de Academie des Sciences de Paris», выходящего еженедельно и публикующего краткие доклады, представленные в Академию наук.

⁴⁴ Полагаем, что речь идет не о математической работе С.Ю. Витте, а о его воспоминаниях, вышедших в Берлине и переизданных Ленгизом в 1924 г. См.:

Встал рано и засел снова за Хвольсона т. II. Туман в голове лондонский... однако, все-таки, прикончил микроскопы, лупы и иные очки. Вечером снова читал Хвольсона т. II «башку»^{IV} о глазах (и на кой мне... все это!) Ох! Но не будем хандрить, а то я не выполню и половины моих многообразных заданий. Давай лучше думать как будет хорошо, когда кончится это тоскливое лето.

ОР РНБ Ф. 419. Оп. 1. Д. 2. Л. 13–13 об.

И.А. Лаппо-Данилевский – О.А. Лаппо-Данилевской

Сегодня опять почти весь день читал Хвольсона, т. II. Теперь ликвидация его в четверг 12-го обеспечена. Спи хорошо и на сон грядущий слушай как поют лягушки, это вовсе не так безобразно как кажется! Сейчас вернулся из Народного Суда, где пребывал с 11 часов утра. Дело выиграл блестяще^V. Дело Т. и дело К. отняли у меня в общей сложности весь сегодняшний и вчерашний день, сдачу II тома Хвольсона пришлось перенести на четверг 19-го, хотя II том у меня почти готов. Два или три дня в ближайшее время займут неотложные домовые дела: обход всех квартир в связи с установлением новой платы, смета на ремонт, общие собрания и заем в Коммунальном банке, а затем буду опять относительно свободен от домашних пакостей...

С А.[лексеем] А.[лексеевичем]^{VI} беседовал больше часа о геофизических методах исследования⁴⁵. Эти методы изящны с той точки зрения, что дают возможность заключать об объекте (полезном ископаемом) на основании весьма незначительных признаков этого объекта, укладываемых в рамки математических интенсивностей.

ОР РНБ Ф. 419. Оп. 1. Д. 2. Л. 14–15.

Витте С.Ю. Воспоминания. Детство. Царствовании Александра II и Александра III. Берлин, 1923, Л., 1924; *Он же.* Воспоминания. Царствование Николая II. Т. 1. Берлин, 1922, Л., 1924. Т. 2. М., 1923. Т. 3. Л., 1924.

⁴⁵ Речь идет об отце жены Ивана Александровича Петровском Алексее Алексеевиче (1873–1942) – русском ученом – радиотехнике, электротехнике. Он – ученик и соратник изобретателя радио А.С. Попова, первый начальник лаборатории Радиотелеграфного депо Морского ведомства (1912–1913), заведующий отделом Института прикладной геофизики (1924–1930), заместитель директора Уральского филиала АН СССР (1932–1934), заведующий кафедрой Московского геологоразведочного института (1938–1941). Заслуженный деятель науки и техники РСФСР (1941). (См.: www.gff-lgi.spb.ru/pr-petrovsky.htm).

<...> Курьезный случай произошел со мной. В ночь со вчера на сегодня мне снится: приходит управдом и говорит: «вот заявление от Боднэка (один из жильцов дома) об уменьшении квартирной платы». Разворачиваю сложенную в четверо бумажку и читаю: «Председателю Жилтоварищества гр. Ю.Ю. Боднэка заявление. Прошу о разрешении дифференцировать под знаком такие то и такие то интегралы. Боднэк». Я нисколько не удивляясь проверил равномерную сходимости этих интегралов и написал красными чернилами: «Дозволяю дифференцировать под знаком И. Л. Д.». Проснувшись утром, я обнаружил, что интегралы Боднэка суть ничто иное, как базы моих характеристических функций операции сложения, умножения и дифференцирования. Эти базы я представлял раньше в виде довольно злокачественных рядов, а теперь у меня есть выражения для них, в виде прекрасных параметрических интегралов. Как раз упомянутые ряды и портили мне вторую «башку» и из-за них я так долго над ней сидел. Вообще должен тебе сказать, что параметрическое интегрирование

$$[g(x) = \int a^{\infty} N(x, t, \int (t)) dt \text{ или вообще } g(x) = \int a^{\infty} E(x, t) dt]$$

есть весьма мощная, прямо таки великая функциональная операция, дающая ключ ко множеству чрезвычайно важных вопросов и, если нужно вводить какую-нибудь рационализированную религию, то прежде всего следует поклоняться именно этой функциональной операции.

Сегодня «башка» кристально четкая и ясная. Если бы всегда так было, то я давным-давно уже кончил бы диссертацию. В два счета докушал утром Хвольсона, т. II, так что экзамен буду ликвидировать не 19го, а 17го. Затем очень удачно привел в систему теорию «интегралов Боднэка» (сон), чем почти и прикончил «башку» вторую, захватив даже начало третьей.

Мысли по поводу «Машины времени» следующие: а) с одной стороны, *Wells* дает весьма картинную интерпретацию того

---

⁴⁶ Скорее всего, далее в документе речь идет не об одном письме, а о подборке писем Ивана Александровича к жене. Елена Дмитриевна Лаппо-Данилевская не разделяет этот текст на отдельные письма, не указывает хронологию. Создается впечатление, что перед нами, возможно, страницы дневника Ивана Александровича, но никаких ссылок и упоминаний на сей счет в тексте мы не находим.

обстоятельства, что время есть одна из координат, значение которой, в совокупности с координатами пространства, определяет элемент, (или, геометрически выражаясь, точку) многообразия эмпирической действительности, называемой фактом; б) однако, «движение во времени» есть понятие внутренне-противоречивое, ибо под движением, в самом широком смысле, понимается функциональная зависимость некоторой эмпирической интенсивности Z от времени (t):

$$Z=f(t).$$

Это вполне понятно, когда Z , например, некоторое пространственное протяжение, но, если интенсивность Z , как это у *Wells'a*, есть само время, то получается неизбежно $t = f(t)$ или $t = t$, т. е. «движение во времени» необходимо вырождается в пребывание в данной современности, другими словами, никакого движения во времени, принятого в основу, не существуют.

17го я вполне прилично ликвидировал т. II (Хвольсон), хотя сильно болела голова. Рассказывал о дифракции, при чем, разумеется, поспешил свести все дело к теории интегралов *Fresnel'*⁴⁷, о которой, главным образом, и разглагольствовал около 15 минут.

Дальнейшая программа у меня следующая: 30/VI – гл. IV (Хвольсон) и 7/ VII – т. V. Вместе с тем движение ноты для «Comptes Rendus».

Вчера вечером мы с Ниной собрались проехать за город. У Летнего сада сели на пароходик, который довез нас до Елагина. На Елагине было очень хорошо: великолепная зелень, замечательно уютные пруды внутри острова и прекрасный дворец, в котором в былые годы жила летом Витте и Столыпин. Дворец мне особенно понравился. Его следует охарактеризовать прилагательным, которое находилось бы в таком же логическом отношении к слову «vulgar», как признак «белый» к признаку «черный». У мостика на Крестовский мы взяли лодку и совершили трехчасовое плавание по взморью во время захода солнца и восхода луны. Я плохой ценитель красот мира эмпирического вообще и природы в частности, но должен сознаться, что нежность тонов голубоватой и фиолетовой окраски моря и неба (такие тона можно видеть только в

---

⁴⁷ Френзель Августин Джон (1788–1827) – изобретатель оптики (См.: www.seadogs.ru/portae/viewtopic.php?=16580#16449).

северных морях) на меня произвела очень хорошее впечатление. А в воздухе летало множество мошек и аэропланов.

Люди искусства и науки, вымучивающие из себя новые формы и не вкладывающие в эти формы никакого нового содержания, за полным отсутствием оригинальных научных или «художественных» мыслей, заслуживают сожаления, если они искренни и презрения, если они шарлатаны. (Тезис о современном состоянии русской культуры).

«Зайки, зайки» пока «не стоят» и вообще после инцидента с «интегралами Боднэка»^{VII} состояние погоды в «башке» в среднем удовлетворительное (4-).

Очень рад, что все наше семейство объединено любовью к железной дороге. Быстрое движение есть несомненно один из тонких наркотиков, не только при участии в этом движении, но даже при созерцании его.

Хандра у меня загнана в подсознание, хотя все-таки дает некоторую муть на поверхности. Пока справляюсь.

По поводу «астрального плана» напрасные беспокойства, так как я физически бессмертен^{VIII}.

По поводу мыслей о мировоззрениях имею возражения Евангелию. Евангельские тексты меня не удовлетворяют, ибо преимущество идеальных ценностей, по сравнению с эмпирическими, заключаются, конечно, не в том, что первые «не портятся», а вторые «портятся», а в том, что абсолютная гармония и красота может осуществляться только в реальности идеального порядка, в то время как все эмпирические реальности всегда характеризуются некоторым моментом условности или относительности.

Все последние дни читаю Хвольсон[а], т. IV и свои наброски последующих глав первой части и первых глав второй части (для ноты). Погода в «башке», как я уже сообщал, удовлетворительная.

С ремонтом^{IX} дело будет очень просто: я отремонтировать буду не хозяйственным способом, а подрядным, т. е. единственно, что нужно будет сделать это: 1) сдать подряд, 2) принять работу по окончании ее. Наблюдать за ремонтом и вести еженедельные расчеты с рабочими не придется.

Сегодня ночью во время сна (очень не спокойного) я воспринял очень странное рассуждение о том, что мне надлежит опасаться некоторого вида интегралов с бесконечными пределами.

Сегодня был на концерте в консерватории. Есть недурные пианисты, но программа скучная. Кроме Глазунова (концерт для двух роялей), фуги Франка и сонаты Шопена (с известными траурным маршем), все вещи тошные и нудные (например, громадный концерт Листа), а некоторые даже отвратительные (Прокофьев).

Последние два дня сожрал целиком дом (возня с исполнительным листом на Т., сдача подрядов и т. д.). Я одолел приблизительно $\frac{2}{3}$ IV тома (Хвольсона) и избрал «специальный вопрос» – математическая теория магнитного поля (для экзамена по физике), однако, боюсь, что к понедельнику 30го все же не успею привести все в порядок. Например, завтра с утра нужно ехать к судебному исполнителю (по делу дома). В крайнем случае отложу на четверг 3 июля.

Я чрезвычайно не доволен прошедшей неделей. Меня «туркали» беспощадно, конечно, главным образом дом. Масса возни с подрядчиками. Торги на сдачу подряда по ремонту ничего не дали, так как явились какие-то голодранцы, которые не смогли внести 100 р[ублей] залога. В конце концов я решил сдать подряд «Севзапгострою». Сегодня должен приехать инженер оттуда для заключения договора.

В результате (IV т. Хвольсона) двигается за эту неделю довольно медленно, с «нотами» для «Comptes Rendus» так же плохо, о них я думаю только по ночам в постели. IV т. собираюсь ликвидировать 7-го, а V (он гораздо проще) – 14-го. Это уже твердые цифры, ибо за всю первую половину месяца дом может испортить только один день 11-го июля. «Ноту» до приезда к тебе конечно не закончу.

И рад бы в рай^X, да грехи – четвертый и пятый тома (Хвольсон[a]) не пускают!

Никакую красоту мира эмпирического, конечно, нельзя сравнить с красотой мира математического. Первую красоту я чувствую гораздо менее остро, чем вторую, все-таки красоту форм (зрительных) острее, чем красоту красок, красоту звуков острее, чем красоту форм.

Новый месяц начался очень хорошо. «Башка» свежая и работа ладится. Заканчиваю IV т. (Хвольсон[a]) и, безусловно, сдам его 7-го. С «нотой» вышел маленький перебой: в связи с «интегра-

лами Боднэка»...был уж очень большой соблазн закончить вторую главу и начать третью, что я и сделал. Этим самым я почти справился с первым мемуаром. Для «нот» (их будет две: применительно к первой части «Общая теория главных характеристических функций» и ко второй «Структурная теория множества алгебраически определимых функций»). (Первая часть есть общее учение о методе характеристических отображений. Вторая часть – эффективное («действительное», конструктивное: ведь одна сторона вопроса заключается в том, чтобы доказать существование известной конструкции, а другая – в том, чтобы выполнить эту конструкцию применительно к некоторой области математических объектов) выполнение построения, предусмотренного указанным методом в отношении наиболее существенных в анализе (с точки зрения логической – основных, с точки зрения практической – почти единственных, имеющих техническое применение) функций, определяемых алгебраическими дифференциальными уравнениями). Я придумал особый способ конспективного изложения, с указанием, что подробности и доказательства имеют быть изложенными там-то и там-то. Боюсь только возможных коллизий с основным текстом, который, по всей вероятности, начиная с третьей главы, будет подвергаться неоднократным переработкам. Особенно трудна будет вторая нота, так как основной текст существует далеко не полностью. Отказаться же от второй ноты жалко, ибо она придает много жизни и красочности всей концепции, являя её действительное применение в основном случае.

Дела идут удачно по всем фронтам. Сегодня закончил т. IV (Хвольс[она]) и завтра буду его ликвидировать.

Сегодня прекрасно работал, вечером играл Вагнера и хроматическую фантазию Bach'a.

Третьего дня благополучно провел т. IV (Хвольс [она]). Рассказывал о магнитном поле и конечно остановился преимущественно на математической стороне теории Maxwell'a (пункт по программе не обязательный). Говорил на этот раз не быстро, как обычно, а наоборот, очень медленно, с внушительным побрякиванием и откашливанием, был в очень веселом настроении. Со вчерашнего дня засел за V т. (Хвольс [она]). Но ликвидировать его удастся вероятно не раньше 17-го, так как два дня назначены к убиению

(Разбор в суде домовых дел). Сегодня вечером, вероятно, не смогу удержаться от искушения пойти в «Сад отдыха», послушать «Tristan und Isolde»⁴⁸, под управлением Павлова-Арбенина⁴⁹. Днем и утром меня ничто не отвлекает и для расширения «рабочего дня» я упрямил дневной сон, заменив его холодным обтиранием.

Работать буду исключительно над V т. (Хвольс [она]) и, вероятно, завтра выберу себе «пункт». По ночам последнее время мне снятся различные «эпизоды» из классического анализа, конечно, из теории дифференциальных уравнений. Быть может метод характеристических отображений положит начало дисциплине, трактующей те же вопросы, но с совершенно другой точки зрения: эту дисциплину, мне кажется, следует назвать классическим синтезом, так как именно она реализует синтез теории функций (представленных посредством конечного числа каких-нибудь оперативных знаков) и теории чисел в единой математике исчислимого. Для наглядности нарисую картинку, где синим изображены пути классического анализа, а красным – перспективы теории характеристических отображений (синтеза). Радиусы анализа, исходящие из данных специальных понятий пересекают окружность «вопросов» только в некоторых частных случаях, которые этими путями и разрешаются. Красные пути метода характеристических отображений охватывают, наоборот, оба круга вопросов полностью сводя белый (неизвестный) к синтезу (арифметике). Возможна ли эффективная и конструктивная математика неисчислимого и не является ли исчислимость логической границей эффективной конструкции в математических концепциях?

Надеюсь, что нет. Это чрезвычайно трудный вопрос, над которым я все чаще и чаще задумываюсь. Я уверен, что ты чувствуешь все эти отношения, а ведь есть люди, усматривающие жизненность только в убогом мире эмпирической действительности. Неужели ты до сих пор не замечала, что я могу быть и очень умным, и очень глупым, и очень чувствительным, и очень сухим, очень последовательным и точным и очень туманным и «недоговаривающим». Я далеко не всегда владею выбором в этих антите-

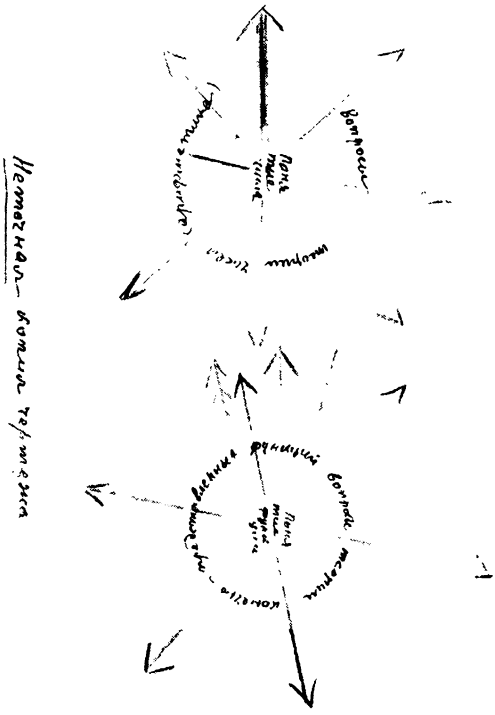
---

⁴⁸ Опера Р. Вагнера, партитура которой была написана в 1858 г.

⁴⁹ Павлов-Арбенин Александр Васильевич (1871–1941) – дирижер. С 1897 г. дирижер оркестров оперных театров Петербурга. Засл. деят. РСФСР 1937 г.

зах. Все эти туманности и «внутренние убеждения», которые тебя так развеселили, конечно, можно бы отлить в законченные формы (или во всяком случае более приличные и менее забавные), но для этого нужно много думать, а я хотя и умею иногда думать вне времени (интуиция), но бывает это очень редко.

43

1924г.

23

А как общее правило, «много думать» занимает «много времени», которого у меня мало. Ведь я не отложил бы поездки в Москву из-за того, что не успел побриться, так же и в данном случае, я рискнул выступить перед тобой в интеллектуально небритом виде^{ХІ}.

ОР РНБ Ф. 419. Оп. 1. Д. 2. Л. 15 об. – 24.

**И.А. Лаппо-Данилевский – Е.Д. Лаппо-Данилевской
(Из-под Москвы (Благуша))**

Если мое отсутствие вызовет какое-нибудь особенное не-удовольствие (по делам дома), то, пожалуйста, телеграфируй мне и я выеду незамедлительно. Здесь я отдыхаю в полном смысле слова, много ем, много сплю, много гуляю по окрестностям и почти не думаю о математике.

Изредка присаживаюсь к письменному столу, чтобы записать пару – другую мыслишек, но в принципе стараюсь не думать о математике.

ОР РНБ Ф. 419. Оп. 1. Д. 2. Л. 24–24 об.

**И.А. Лаппо-Данилевский – О.А. Лаппо-Данилевской
(по возвращению в Ленинград из Благуши)**

<...> Все хорошо, что хорошо кончается. Вчерашнее общее собрание (по дому) прошло великолепно... Деятельность правления...была признана «весьма удовлетворительной». Это вполне заслуженный отзыв, так как я в конце концов свел всю задолженность правления к 21 рублю. Все мои предложения: договор с «Севзапгосстроем», ссуда в банке в сумме 2000 р., перемена квартир К. и Д. и т. д. прошли совершенно без возражения. Зато заседали от 8 до 1 часа ночи и я один говорил около 3 ½ часов. Теперь пару дней придется повозиться с этими делами и тогда можно будет опять на две недели забыть про правление...В ученое настроение собираюсь входить послезавтра, когда разделаюсь с домом приблизительно на две недели...

Вот мои соображения относительно Лемана⁵⁰ (его книги «История колдовства и суеверия»). Методологический путь, указанный в предисловии прекрасен: первая часть – установление объекта исследования в его историческом развитии, вторая часть – критическое исследование этого объекта. Это вообще две основные точки зрения, возможные при изучении человеческой мыс-

---

⁵⁰ Альфред Леман – немецкий исследователь, директор психофизической лаборатории в Копенгагене, автор работы «Иллюстрированная история волшебства и суеверий» (1893 г.). Переводы этого исследования на русский язык: *Леман А. Иллюстрированная история суеверий и волшебства.* М., 1900, репринт Киев, 1993. (См.: http://www.domynik.nm.ru/History/Vavilon_06.html).

ли... Понятия: «заблуждение», «ненаучный», «ложный», «ошибочный» должны быть, если не определены, то во всяком случае развернуты, так как в них значительная часть соли исследования. По-моему, суеверием, применительно к некоторой эпохе, следует считать всякое суждение, объективное содержание которого не является обоснованным опознанными в эту эпоху данностями. Указанную обоснованность надлежит понимать в абсолютном смысле для математики и в относительном... для теории о природе (об эмпирической действительности). Таким образом, суеверие есть категория историческая, а отнюдь не гносеологическая, другими словами, если я говорю, что суждение «А есть В» есть в настоящее время суеверие, я вовсе не предрешаю вопроса о том истинно оно или ложно, я утверждаю только, что суждение это не обоснованно (или недостаточно обоснованно) тем, что я знаю, но одновременно и не противоречит тому, что я знаю. В этом отличие суеверия от абсурда. Например, Leibnitz⁵¹ в XVII веке полагал без доказательства, что всякая непрерывная функция имеет производную. Weierstass⁵² в XIX веке дал пример непрерывной функции, которая не имеет производной. Таким образом, суждение «всякая непрерывная функция имеет производную» есть суеверие применительно к XVII веку и вместе с тем абсурд. Другой пример: Fourier⁵³ около 1850 года полагал, применяя заведомо неточный

---

⁵¹ Готфрид Вильгельм фон Лейбниц (Gottfried Wilhelm von Leibniz) (1646–1716) — немецкий философ и математик. Один из важнейших представителей новоевропейской метафизики, в центре внимания которой – вопрос о том, что такое субстанция. Среди важнейших математических достижений Лейбница – создание, наряду с Ньютоном, математического анализа. В подходе Лейбница к математическому анализу были некоторые особенности. Лейбниц мыслил вышедший анализ не кинематически, как Ньютон, а алгебраически. (См.: Википедия. Режим доступа: <http://wiki.warpcity.ru/show?text=Лейбниц>.)

⁵² Карл Теодор Вильгельм Вейерштрасс (Karl Theodor Wilhelm Weierstrass) (1815–1897) – выдающийся немецкий математик, «отец современного анализа». Исследования Вейерштрасса существенно обогатили математический анализ (теории действительных (вещественных) чисел, теорию специальных функций, вариационное исчисление, дифференциальную геометрию (теорию минимальных поверхностей), и линейную алгебру (теория элементарных делителей). Был учителем С.В. Ковалевской. (См.: Википедия. Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Вейерштрасс>.)

⁵³ Жан Батист Жозеф Фурье (Fourier) (1768–1830) – французский математик, среди открытий которого формула представления функции с помощью интегра-

метод доказательства, что всякая монотонная функция разложима в тригонометрический ряд с коэффициентами в виде интегралов. Dirichlet⁵⁴ около 1870 г. доказал это положение вполне точно. Следовательно, рассматриваемое суждение – суеверие, применительно к 1850 г. и вместе с тем истина. Отсюда ясно, что всякое суеверие может быть как истинным, так и ложным, подобно тому как жирный gentleman может быть как блондином, так и брюнетом. Более тонкое отличие имеет место между суеверием и религией. Относительно суеверного суждения я не могу отрицать, что придет время, когда его можно будет считать научно – обоснованным, или отбросить как абсурдное. Настоящее же религиозное суждение, так или иначе затрагивающее «множество всех вещей», всегда будет находиться по ту сторону истины или абсурда; «суеверность» суждения указывает на неприменимость в данный момент гносеологических категорий «абсурд – истина»; «религиозность суждения» предполагает неприменимость вообще, в принципе, этих категорий, ибо религия есть система метафизики + система этики: первая никогда не может быть наукой, так как претендует на слишком широкое (абсолютное) объективное содержание (т. е. касается всех объектов), вторая вовсе не претендует на объективное содержание, так как трактует о том, как должно быть, а не о том, что есть. Таким образом, суеверие есть теория, а магия – соответствующая этой теории техника. Г. Леман говорит: «За всяким суеверным представлением находится какое-нибудь наблюдение, которое только неверно объясняется, ... интересно найти те физические и психические явления, которыми были обусловлены эти ошибки...». Автор делает сам грубую ошибку, смешивая по-

---

ла, играющая важную роль в современной математике. Аналитическая теория тепла Фурье и примененные в ней методы стали основой для создания теории тригонометрических рядов (ряды Фурье) и разработки некоторых других общих проблем математического анализа. (См.: <http://n-t.ru/tp/in/fr.htm>).

⁵⁴ Петер Густав Лежён Дирихле (Dirichlet) (1805–1859) – немецкий математик. Основные труды в области теории чисел и математического анализа. В области математического анализа Дирихле впервые точно сформулировал и исследовал понятие условной сходимости ряда, дал строгое доказательство возможности разложения в ряд Фурье функции, имеющей конечное число максимумов и минимумов (интеграл Дирихле). Значительные работы Дирихле посвящены механике и математической физике. (См.: <http://www.college.ru/mathematics/courses/algebra/content/scientist/dirichlet.html>).

нения суеверия и абсурда. Из предыдущего ясно, что вовсе не всякое «суеверное представление» есть вместе с тем ошибочное, как, например, вышеприведенное суждение о рядах Fourier. В тех же случаях, когда суеверие действительно оказывается абсурдным, конечно весьма интересно проследить психо-физические условия генезиса таких ошибочных преставлений, хотя не менее, если не более интересным является аналогичное исследование относительно прочих «суеверий». Как видишь, книжка Лемана и твои рассуждения мне очень интересны. Я совсем расфилософствовался.

ОР РНБ Ф. 419. Оп. 1. Д. 2. Л. 27–29 об.

И.А. Лаппо-Данилевский – О.А. Лаппо-Данилевской

<...> Сон в эту ночь был тяжелым⁵⁵ и для того, чтобы придать себе устойчивое равновесие, я вынужден был выкурить около десятка папирос. В течение этого курения для меня совершенно выяснились те вопросы по поводу ноты № 2, которые беспокоили меня во время моего пребывания на Благуше. Смысл ноты №2 для меня теперь вполне очевиден и сегодня я набросал вчерне главу восьмую (первую во второй части): «Основные принципы теории алгебраически определенных функций». Печалит меня только громоздкость обозначения: некоторые формулы напоминают по характеру небольшие архитектурные проекты...

ОР РНБ Ф. 419. Оп. 1. Д. 2. Л. 30 об.–31.

И.А. Лаппо-Данилевский – О.А. Лаппо-Данилевской

<...> Боюсь, что ты переоценила значение странных событий ночи со 2-го на 3-е августа: из твоего письма я усмотрел, что ты сочла выстрел направленным прямо в меня. Я же уверен, что палил какой-нибудь пьяный обормот «так прямо» без определенной цели, от чрезмерного давления винных паров на содержимое его черепной коробки, ибо откуда же могли взяться такие враги, которые стреляли бы в меня из за угла!... Крестик ты купишь мне сама и наденешь мне на шею. Так будет лучше. Жалко, что ты не написала мне подробно про молитву. Мне кажется, что молитва

---

⁵⁵ В ночь со 2-го на 3 августа, когда И.А. вышел в 10 1/2 часов вечера отправить письмо с песенкой для Ирон, и в него чуть не попала шальная пуля. Речь идет о дочери И.А. и О.А. Лаппо-Данилевских Ирине, которую в семье называли Ирон.

предполагает, так или иначе, веру в личного Бога, которого просят, благодарят, или которым восхищаются. Мой же Бог, ты знаешь, есть принцип. Как я могу просить что-нибудь у этого принципа, или благодарить его? Этот принцип находится за границей моего постижения, я не могу ни с чем сравнить его, я не могу применять к нему моих субъективных оценочных норм, а следовательно, не могу восхищаться им. Единственно на что я способен около этой области – это твердое фиксированное желание, резкий волевой импульс, который неизбежно исходит из самоутверждения ибо, если я хочу чего-нибудь, то я почти всегда сознаю, что я могу это. (Не утверждаю, что такое сознание всегда соответствует действительности)... Сейчас пойду играть Tanhauser'a, помнишь твой любимый кусочек после молитвы Елизаветы? В начале одиннадцатого мне предстоит выехать в город для совершения ряда дел (домовых): 1) В нарсуде на Московской подать дополнительные заявления по второму делу Т.; 2) в Губсуде на Фонтанке подать заявления о том, что кассационная жалоба Т. есть сплошное идиотство; 3) в Севзапгосстрое на Кировной подписать договор на ремонт и внести аванс (чеком). А вчера день прошел таким образом: 1) был в Коммунальном банке, где получил ссуду в 2000 р. (для дома). Её дали с большим трудом, так как обычные ссуды не превышают 300–500 р.; 2) составил с Севзапгосстройским юристом договор на ремонт и диктовал его машинистке; 3) настукал сам на машинке у А. тексты заявлений в Нарсуд и Губсуд; 4) ловил членов правления для подписания всех этих бумажек и разглагольствовал с ними...

Головной барометр поднимается, т. V готов на 70 %, набросал вчера текст первых двух, т. е. восьмой и девятой глав второй части (это есть резервуар, из которого будет черпаться нота). Прежде чем приступить к ноте непосредственно, нужно будет, однако, прочесть несколько мемуаров (журнальных). А главное, «башка» хорошая, свежая!

Был у Т., который обещал похлопотать на рабфаке и в Институте Инж[енеров] Пут[ей] Сообщ[ения], где математику не сократили. Я молчал, потому что у меня развилась математическая лихорадка, результатом которой явились значительные успехи во второй части, а, следовательно, и во второй ноте...

Ты так ругаешь бедный дом, что я должен буду осмотреть стены: нет ли где трещины... С осени начну обучать Ирона 1) теории конечных множеств (во всяком случае привью ей основные понятия о типе и мощности) и элементарной логике.

ОР РНБ Ф. 419. Оп. 1. Д. 2. Л. 34 об.

И.А. Лаппо-Данилевский – О.А. Лаппо-Данилевской

Вчера покончил навсегда с Хвольсоном.

Вчера вечером был у Григория Михайловича^{XII}, свез ему готовую ноту № 1 и готовую вторую «башку». Он меня очень торопит с продолжением и говорит, что я выдал математике крупнейший вексель, по которому никак нельзя отсрочивать уплату... В сентябре нужно будет обработать какой-нибудь кусочек из первых глав второй части в качестве дипломной работы для университета. Вообще Григ[орий] Мих[айлович] очень одобряет окончание университета, так как, по его мнению, «ученый с вполне определенной научной индивидуальностью в роли студента производит комичное впечатление»...

Сегодня ночью мне пришел в голову очень курьезный параллелизм между миром эмпирическим и идеальной действительностью. В мире идей есть категория, которая вполне соответствует времени в эмпирической области: это логическое обоснование. И то и другое суть принципы упорядочения множеств. Если концепция $\int 1$, обосновывает концепцию $\int 2$, то $\int 1$ фигурально предшествует $\int 2$. Закону природы в эмпирическом мире: $x = \int (t) t(\text{время})$ отвечает метод построения в мире концепций: $\int = M(B)$, где B – координата логической обоснованности. Такая аналогия значительно уяснит мне строение понятий о времени.

ОР РНБ Ф. 419. Оп. 1. Д. 2. Л. 35–36.

Е.Д. Бекарюкова – Д.Д. Бекарюкову⁵⁶

<...> Сейчас у него температура нормальная и третий день он уже на ногах. Пытается бедный работать, а уж вид! Устраиваем ему по возможности санитарный режим: больше лежать и чаще

---

⁵⁶ В начале письма Елена Дмитриевна сообщает о тяжелой болезни Ивана Александровича в связи с обострением старого туберкулезного процесса.

питаться. Что же другое можно сделать?! Стараюсь не заглядывать в будущее.

ОР РНБ Ф. 419. Оп. 1. Д. 2. Л. 36 об.

Е.Д. Бекарюкова – Д.Д. Бекарюкову

Горячо благодарю тебя за новую помощь. Эти деньги спасли нас от окончательного запутывания в долгах, благодаря тяжелым болезням. Просто иной раз не знаешь, что делать... Требуем от него (Вани) лежания в определенные часы и усиленно питаем. Доктор советует как можно больше жиров. Этим питанием Ваня сильно тяготится, в виду расходов на него. Страшно, что всякая случайная простуда, от которой так трудно уберечься, может Бог знает что наделать. Но пока стараюсь об этом не думать. Оля держится, не смотря на то, что нам с нею сильно приходится сокращать свое питание, для того, чтобы усиленно питать Ваню.

ОР РНБ Ф. 419. Оп. 1. Д. 2. Л. 37.

1925 [г.]

И.А. Лаппо-Данилевский – Д.Д. Бекарюкову

<...> Наше «житие» течет по известному тебе шаблону. Я канителюсь с инженерами, рабочими, банками, жильцами и т. д.^{XIII} и пишу. Написал три «notes» для «Comptes Rendus» Парижской Академии, фиксирующих в весьма общих чертах мое изобретение. Эти ноты в ближайшее время отправятся по назначению и, согласно уверениям сведущих людей, будут напечатаны. Сейчас засяду за окончание и отделку первой части исследования, которое, кажется, будет издано отдельной книжкой. В ближайшую сессию после зимних каникул ликвидирую политические экзамены. В общем очень устал. Угнетает сознание некоторой хозяйственной неустойчивости и обилие разнородных пакостей внешней жизни, впрочем за письменным столом от всего этого отвлекаюсь. С внешним миром, за исключением деловых отношений, не имею почти никакого общения.

ОР РНБ Ф. 419. Оп. 1. Д. 2. Л. 38. (Т. 1)

Е.Д. Лаппо-Данилевская – Д.Д. Бекарякову

Вот опять целую зиму прожили. Для меня лично это была сплошная тревога за Ваню, но молодые бодры, не падают духом не смотря на все... Этой весной надеется [Ваня] окончить университет, экзамены, затем ему рисуются какие-то научные перспективы, но я об этом его не расспрашиваю, чтобы своими сомнениями не смущать его. Во всяком случае придется искать более обеспечивающего заработка, потому что жить, как теперь, долго невозможно. Дом дает ему только 40 р[ублей], а ответственность и возня огромные.

ОР РНБ Ф. 419. Оп. 1. Д. 2. Л. 38 об. – 39.

О.А. Лаппо-Данилевская – О.В. Терениной

Ваня окончил университет по двум уклонам: математическому и механическому. Начал хлопотать об оставлении при университете. Он надеется, что удастся, так как академик Стеклов и проф. Фихтенгольц дали о нем хорошие письменные отзывы.

ОР РНБ Ф. 419. Оп. 1. Д. 2. Л. 39.

Е.Д. Лаппо-Данилевская – Д.Д. Бекарякову

В общем дела с оставлением Вани при университете обстоят так: аксекция⁵⁷ (студенческая организация) ещё раз вызывала Ваню и вела с ним те же посторонние разговоры на дровах (в университетском дворе). В конце концов же ему заявили, что до осени вопрос не может быть решен, так как большинство членов разъехались, и оставшиеся не правомочны что-нибудь постановить. Ваню это решение очень расстраивает. Факультет также не доволен (в виду⁵⁸ Стеклова) и обещал также содействовать ускорению дела. Так что все это до сих пор ещё тянется и тянет нервы у Вани.

ОР РНБ Ф. 419. Оп. 1. Д. 2. Л. 39 об.

**И.А. Лаппо-Данилевский – О.А. Лаппо-Данилевской
(Лето)**

Встал в 8½ и засел за теорию группы правильных многогранников – одно из элегантнейших творений недавно умершего мате-

---

⁵⁷ Академическая секция.

⁵⁸ Скорее всего, это описка, следует читать: в лице Стеклова.

матика – Felix’a Klein’a⁵⁹... Сегодня начал хлопотать о получении лекций в Морском техникуме. Вечером заседание ревизионной комиссии (дом). Одним словом замотался совершенно, но перед обедом ухитрилась забрести в «башку» счастливая мысль о классификации аналитических представлений алгебраических функций. Это деталь первой части, которая мне долго не давалась... В университете невозможная волокита: оказывается, что только сегодня имеет докатиться мое заявление до Т., так что в понедельник нужно проследить дальнейшее движение дела^{XIV}.

ОР РНБ Ф. 419. Оп. 1. Д. 2. Л. 39 об. – 41.

И.А. Лаппо-Данилевский – О.А. Лаппо-Данилевской

<...> Начал хлопотать о получении лекций в Морском техникуме...

В Университете невозможная волокита: оказывается, что только сегодня имеет докатиться мое заявление до Т., так что в понедельник нужно проследить дальнейшее движение дела. Работа по трактату сейчас сводится главным образом к «напитыванию литературой» по алгебраическим функциям, которая очень обширна. Вчера достал ещё одну книжку Hensel’a, толстенный Hrandbuch в 750 страниц...

ОР РНБ Ф. 419. Оп. 1. Д. 2. Л. 41–42.

И.А. Лаппо-Данилевский – О.А. Лаппо-Данилевской

<...> Весь последний месяц я был под угрозой весьма неприятного судебного процесса с Ликвидационной Коммисией Севзапгосстроя, требовавшего с нас (дом) 1700 р., из коих мы признавали только 500, да и те, конечно не могли бы внести одновременно. Вчера я был у юрисконсульта Ликв.[идационной] Ком.[иссии] и в результате добился скидки в 1000 р.[ублей] и права внести остальные 700 частично векселями... Представь себе, что если бы

---

⁵⁹ Феликс Клейн (Felix Christian Klein) (1849–1925) – немецкий математик, которому принадлежит идея алгебраической классификации различных отраслей геометрии. Одним из важнейших его достижений стало первое доказательство непротиворечивости геометрии Лобачевского, для чего им была построена её интерпретация в евклидовом пространстве (модель Клейна). (См.: Википедия. Режим доступа: http://ru.wikipedia.org/wiki/Феликс_Клейн).

суд взыскал с нас 1700 р., то в течение трех с половиной месяцев вся квартплата поступала бы не в правление, а к судебному исполнителю, мы сидели бы без воды, без света, была бы разбита ремонтная кампания и т.д... на общем собрании я безусловно откажусь от всех домовых должностей.

ОР РНБ Ф. 419. Оп. 1. Д. 2. Л. 41–42.

И.А. Лаппо-Данилевский – О.А. Лаппо-Данилевской

Вчера встал в 7 часов утра злой-презлой, ворчал на домашних (почему не напомнили принять спермин⁶⁰, почему не «булки с хвостиками», а ситный, одним словом, испортил им все утро). В 11½ ч. утра опять лег спать и в конце концов сообразил, что концепцию поверхности Riemann'a можно трактовать чисто аналитически, как «переменную подстановку». Тогда я расхотел спать, помирился с домашними, записал ближайшие вытекающие из такой трактовки следствия...

Относительно Тагора, хотя я его никогда не читал, но полагаю, что нужно идти дальше в принятом тобой направлении: а) литературное произведение может только в том случае быть именно таковым, когда имеет свой собственный автономный, чисто эстетически художественный смысл и raison d'être, причем с ним может оказаться связанной философская система автора только единством творящего субъекта, т. е. тем обстоятельством, что и литературное произведение и философская система суть творения одного и того же субъекта. Взаимоотношения формы (художественного произведения) и содержания (философская система) здесь совершенно недопустимы, ибо художественная форма должна иметь свое собственное художественное же содержание, иначе получаются басни Крылова с морализмом. У Wagner'a художественные произведения имеют свое собственное автономное единство художественной формы и чисто музыкального содержания. За эти-

---

⁶⁰ Речь идет о лекарственном препарате, изобретенном А.В. Пелем (1850–1908). Спермин содержал биологически активные вещества желез внутренней секреции. Широко использовался в свое время в терапевтических целях, для повышения иммунитета, играл существенную роль при тканевом дыхании, выполняющая роль химического фермента. Это был единственный лекарственный препарат, идущий на экспорт из России.

ми произведениями может чувствоваться некоторая философская система автора, но их не коим образом нельзя трактовать только как подсобные орудия, только как символы для выражения этой системы. Да они совсем и не символы – просто это музыкальные композиции не только музыканта, но и философа; б) об авторах вроде Тагора мне всегда думается, что 1) они не настоящие философы, ибо настоящая философская система, поскольку автор хочет передать её окружающим, никогда не нуждается ни в каких «шифрах» и символах, последними обычно прикрывается убожество и нищета системы. (Ну можно ли представить себе, например, Kant'а или Н. Hehel'я как авторов каких-нибудь «Королей темного покая»!), 2) что они не настоящие художники, так как у них не хватает сил создать автономное эстетическое произведение в совершенно инородном скелете. Например, «Война и мир» – прекрасное, совершенно автономное художественное произведение, несмотря на то, что за ним стоит совершенно нелепая Толстовская философия истории. Секрет в том, что «Война и мир» совершенно не связана с дурацкой историко-философской точкой зрения органическим отношением формы и содержания. Мне всегда очень досадно за тех, кто тратит время и силы на расшифровывание символов, имеющих за собой некую неоформленную тину, вместо того, чтобы заняться изучением настоящих философских систем...

Отсутствие у нас совместных чтений – чрезвычайно существенный дефект, причина которого кроется в неумении моем распорядиться как следует своим временем и в достаточной мере владеть своим настроением: если моя основная работа идет хорошо, то я пишу врасос. И не остается времени ни на что другое. Если же получаются какие-нибудь «гажива»^{XV} в трактате, то я зол, как тысяча чертей и ограничиваюсь преследованием домашних. Осенью, когда жизнь наладится и войдет в постоянную колею, когда не будет домовых дел, неуклонно подтачивающих мою нервную систему и отравляющую существование, необходимо хоть по часу три раза в неделю уделять совместному изучению настоящих философских произведений. Я считаю это даже более важным для себя, так как исключительное пребывание в среде математики и всяких «Госстроев» постепенно сушит мозг...

ОР РНБ Ф. 419. Оп. 1. Д. 2. Л. 43 об. – 46.

И.А. Лаппо-Данилевский – О.А. Лаппо-Данилевской

Спешу сообщить тебе о моем успехе на восточном фронте – университет расположен на восток от нас. Только что я собственными глазами видел заключение Студкома, где сказано, что Студком «всемерно поддерживает представление академика Стеклова и профессора Фихтенгольца об оставлении тов. Л[аппо]-Д[анилевского] при университете». Теперь остается только утверждение правления университета, в котором никто никогда не сомневался. Я получаю право на защиту диссертации в течение трех лет и вполне реальной делается профессорская перспектива.

С внутренним фронтом – домом надеюсь покончить в начале будущей недели, так как старое правление автоматически прекращает свое существование. В связи с этим я сейчас очень занят отчетом и ликвидационным балансом.

Разрешение внешнего кризиса в основных его моментах – устройство дел в техникуме и университете создало более спокойное настроение и в связи с этим приличное физическое самочувствие. Для окончательного урегулирования внешних обстоятельств, от которого, в конечном счете зависит сравнительное благосостояние моей семьи и возможность регулярной научной работы, остается только свести последние счета с правлением. Этому предстоит отдать всю наступающую неделю...

Это первый день, чуть ли не за целый месяц, который я спокойно могу провести дома. Могу спокойно читать, писать, думать, играть на рояли. Несколько ближайших дней придется посвятить уяснению себе некоторых методических и дидактических принципов, необходимых для того, чтобы не чувствовать себя ослом на лекции в техникуме...

ОР РНБ Ф. 419. Оп. 1. Д. 2. Л. 49 об. – 51.

Е.Д. Лаппо-Данилевская – Д.Д. Бекариюкову

<...> Для того, чтобы оставить службу по дому, нужно около сотни рублей. Это наш долг, который накопился за все время и который, при всем нашем нищенском существовании, мы ещё не могли выплатить. Твоя помощь делает это возможным <...>

ОР РНБ Ф. 419. Оп. 1. Д. 2. Л. 53.

И.А. Лаппо-Данилевский – Д.Д. Бекарюкову

Не нахожу слов благодарить тебя за твою помощь. Без тебя пришлось бы ещё несколько месяцев совмещать правление (дома) с техникумом, что кончилось бы неминуемым скандалом, ибо я и так совершенно не в силах продолжать выкручиваться из всяких домовых ситуаций, а совмещать это выкручивание с чтением лекций в техникуме уже абсолютно не мыслимо...

ОР РНБ Ф. 419. Оп. 1. Д. 2. Л. 53 об.

Е.Д. Лаппо-Данилевская – Д.Д. Бекарюкову

Я также горячо тебя благодарю. Переходное положение Вани такая сложная и запутанная (как впрочем и вся его жизнь), что без этой твоей «скорой помощи» не известно чем все это бы кончилось. Теперь же главное достигнуто, можно в самом ближайшем будущем оставить службу по дому и начать более человеческую жизнь.

ОР РНБ Ф. 419. Оп. 1. Д. 2. Л. 54.

**И.А. Лаппо-Данилевский – О.А. Лаппо-Данилевской
(Ленинград)**

Спешу тебя порадовать. Только что кончилось заседание общего собрания (дома), на котором я отказался от председательства в правлении... Не могу сказать, чтобы у меня было сейчас особенно приятное настроение: боюсь не поступил ли я легкомысленно, отказавшись от дома прежде получения первых денег из техникума и университета и можно ли действительно рассчитывать на получение этих денег в ближайшее время. Пенсию мамы также задерживают. Одним словом: «пока солнце взойдет, роса очи выест». В техникуме я буду занят от 6 до 10 ½ час[ов] вечера и целый день смогу отдавать своей научной работе. Со вчерашнего дня у меня очень странное состояние: нет серьезных обстоятельств, о которых нужно беспокоиться. Давно я уже не испытывал такого блаженства! Вчера разбирал все свои рукописи (их накопилось солидное количество) и принялся за работу. Дело пошло очень хорошо, «башка» свежая (сегодня даже не чувствую никакой потребности спать днем). Кашель почти прошел. Играл Peirsifal⁶¹

---

⁶¹ «Парсифал» – опера Р. Вагнера.

(конец, вступление ко второму действию «Смерть Изольды», полностью) и увертюру к Ziegfrud'у⁶². К сожалению мало и плохо.

ОР РНБ Ф. 419. Оп. 1. Д. 2. Л. 54 об. – 55 об.

Е.Д. Лаппо-Данилевская – Д. Д. Бекарякову

Хочется сказать тебе только, что у меня что-то вроде счастья на душе, по поводу оставления Вани при университете. Теперь мне кажется, что он пойдет по своей прямой дороге и не погибнут его дарования и надежды, ведь все это висело на волоске, вся его жизнь...

ОР РНБ Ф. 419. Оп. 1. Д. 2. Л. 55–55 об.

Примечания

I. А.А. Лаппо-Данилевский. Изд. Общины художников. Ленинград, 1928.

II. Елена Дмитриевна, предваряя выборку из семейной переписки, делает два примечания. Прим. 1. Начало этой повести относится к тому времени, когда И.А., после длительного перерыва, вернулся снова к своей математической работе. К этому же времени относится его женитьба на Ольге Алексеевне Петровской, дочери профессора А.А. Петровского.

Прим. 2. Эту переписку имеет смысл читать только подряд, так как она изложена, а не отдельными местами и отрывками, так как только при таком чтении получается полная картина жизни Ивана Александровича и его гибели. См.: РО РНБ Ф. 419. Оп. 1. Д. 2. Л. 10 об.

III. Выражение Ив[ана] А[лександровича] означающее неясное состояние головы.

IV. Имеется ввиду глава учебника, «башкой» он также называет свою собственную голову.

V. Ив[ану] Ал[ександровичу] по делам дома приходилось выступать в народных судах, при чем он всегда выигрывал дела

---

⁶² «Siegfried» – опера (муз. драма) Р. Вагнера (3-я опера из тетралогии «Кольцо Нибелунга»). В России впервые поставлена нем. труппой А. Неймана в Москве и Петербурге в 1889 г. Первая постановка на русском языке 27 января 1894 г. в Большом театре.

против профессиональных юристов, которые бывали очень удивлены, когда узнавали, что он не юрист.

VI. Проф. Петровский – отец жены Ив[анна] Ал[ександровича].

VII. Сон.

VIII. Вероятно, от ужаса перед смертью. Ив[ан] Ал[ександрович] старался загипнотизировать себя этой мыслью.

IX. В доме.

X. Дом под Москвой, где проводили лето жена и дочь Ив[ана] Ал[ександровича].

· XI. Письмо, о котором идет здесь речь, к сожалению не сохранилось.

XII. Проф. Фихтенгольц.

XIII. По дому.

XIV. Хлопоты об аспирантуре.

XV. Выражение Ивана Александровича, означающее неприятности.